

К. И. Зубков
**ЗАГАДОЧНЫЙ ПРОЛИВ АНИАН:
СУДЬБА ОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕИ**

УДК 94(98)

ББК 63.3(91)

В статье исследуется вопрос о возникновении и эволюции одного из умозрительных географических концептов XVI–XVII вв. — представлений о проливе Аниан, разделяющем Азию и Америку. Обобщая историографические подходы к этой проблеме, автор связывает происхождение этой географической фикции с попытками картографов и мореплавателей непротиворечиво согласовать открытия Колумба с предшествующей географической традицией — картиной мира Птолемея и описанием стран восточной Азии в сочинении Марко Поло. Как доказывается в статье, решающую роль в возникновении и распространении идеи существования пролива в месте соединения Азии и Америки сыграл системный геополитический фактор — общая конфигурация соперничества ведущих морских держав Европы в поисках кратчайшего морского пути в Китай и Индию. Высказывается предположение о том, что эскалация мифа о проливе Аниан представляла собой часть политики Испании, направленной на защиту своих тихоокеанских владений: она служила способом переключения поисковой активности конкурирующих европейских держав в районы американской Арктики. В статье подчеркивается значительная регулятивная роль идеи пролива Аниан в истории европейских и русских географических открытий в Арктике.

Ключевые слова: *пролив Аниан, Северо-восточный проход, география, картография, открытия, Марко Поло, Америка, Арктика, Северо-западный проход*

Выдающийся немецкий географ Ф. Ратцель в свое время подметил важное различие между «внешней историей» географии, связанной с открытием и исследованием новых земель и акваторий, и ее «внутренней историей», заполненной выдвиганием — подчас раньше реальных географических открытий — теоретических гипотез о закономерных связях различных частей мира.¹ Следуя разным, часто абсолютно не совпадающим целям, эти две ветви географического знания, тем не менее, порой сходились, внося своей причудливой, нередко парадоксальной игрой опыта и воображения новые, все более точные и уверенные штрихи в целостный картографический образ Земли. Возможно, в большей степени это относится к истории исследования и освоения Арктики. Беспрецедентная для XVI–XVII вв. активность западноевропейцев в северных морях, позволившая впервые нанести на карты крупные участки морских побережий Арктики, была

меньше всего связана с их стремлением заселить и освоить эту негостеприимную часть света. Если отвлечься от ранней истории русских плаваний в Арктике, долгое время оставшейся неизвестной ни цивилизованной Европе, ни даже самой России, можно согласиться с Ч. Эммерсоном в том, что знакомство Европы с Арктикой в эпоху Великих географических открытий явилось, по существу, побочным результатом совсем иных устремлений — попыток отыскать вдоль северных окраин мира морской проход в легендарные, сказочно богатые Китай и Индию.²

Это отчетливое несовпадение воображаемой цели и сопутствовавшего ее достижению реального приращения географических знаний наглядно показывает, насколько мощную регулятивную — вдохновляющую или запрещающую — роль в истории географических открытий играли не только околонуточные гипотезы, но и всевозможные спекулятивные идеи, имевшие хождение в кругу картографов и мореходов. Сначала настойчивость английских и голландских мореплавателей в поисках Северо-восточного прохода в Китай и Индию вдоль северных берегов Сибири питали будившие воображение, но совершенно

¹ См.: Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное земледоведение. Т. 1. СПб., 1905. С. 4.

² См.: Emerson Ch. The Future History of the Arctic. New York, 2010. P. 5.

ошибочные картографические представления конца XVI в., согласно которым, достигнув устья Оби, можно было легко добраться по этой реке до мифического «Китайского озера» и расположенной близ него китайской столицы — города Канбалык (Пекин).³ Позднее ключом к успеху становится устрашающий воображение мыс Табин, вынесенный европейскими картографами далеко на север (у Й. Хондиуса под 73° с. ш., у Г. Меркатора и А. Ортелия — севернее 78° с. ш.): за ним, как предполагалось, морской берег резко поворачивал к югу, открывая путь к вожделенным странам Востока.⁴ После того как европейцы стали точнее представлять себе протяженность материкового массива «Тартарии» и горизонты поисков Северо-восточного прохода вынужденно продвинулись еще дальше на восток, вожделенной целью мореплавателей становится мифический пролив Аниан, разделяющий Азию и Америку.

Столь быстрая, конъюнктурная смена географических представлений хорошо объяснима переходными условиями рассматриваемой эпохи, когда реальный опыт дальних плаваний доставлял всё новые географические сведения, но при этом не мог вполне заместить ими старой картины мира, восходящей к классической традиции (Плиний Старший, Птолемей) или к сообщениям средневековых авторов (Марко Поло). Необходимость непротиворечиво согласовать новые сведения с устоявшимися географическими представлениями давала корпорации картографов и прочих признанных знатоков географии необыкновенную власть над умами и право, опираясь на авторитет, определять направления и интенсивность географических поисков.

Уже авторам XVII–XVIII вв. была вполне ясна роковая роль разнообразных умозрительных, кабинетных гипотез и фантазий в стимулировании европейских мореплавателей в их погоне за ускользающими, откровенно иллюзорными целями. Английский историк XVIII в. Т. Салмон приводит любопытную выдержку из письма Н. Витсена, в котором этот ученый, путешественник и политик, известный знаток России с горечью признавал, что продуцируемые учеными людьми весьма

спорные представления о том, что за Новой Землей берег «Тартарии» сразу же опускается на юг, призванные «вдохновлять моряков к этой попытке (открытию пути в Китай — К. З.), как раз направляли их к пункту гибели, как это впоследствии и происходило».⁵

Г. Ф. Миллер, комментируя появление на морских картах еще никем из европейцев не открытого, гипотетического Анианского пролива между Азией и Америкой, пронизательно подметил огромное регулятивное значение этого картографического вымысла для судьбы мореплавания в арктических морях: «Но не можно ли и так думать, что морская путешествия по Ледовитому морю отчасти и для изобретения того же самого Анианского пролива предприиманы были и что оныя оставлены после не для иной какой причины, как что малоразсудно показалось следовать восприятному намерению с таким страхом, что почти при конце толь дальняго и труднаго пути пред собою видеть надлежало вместо чаемого проходу непрерывное земли матерой продолжение?»⁶ Заметим, что как раз Миллеру принадлежит честь возвращения из исторического небытия подвига С. Дежнева и Ф. Попова, впервые прошедших на кочах в 1648 г. реально существующий пролив между Азией и Америкой. Погребенные в архиве Якутска, эти сведения по понятным причинам оказались неизвестны европейским географам, вскоре они были забыты и на родине. При этом очевидно, что и сами русские землепроходцы, мыслившие свои открытия в совершенно иной, чем у западноевропейцев, сугубо практической и приземленной перспективе, не могли представить, осознать их эпохальное значение для мировой географии.

Вступив при Петре I в новый — европейский — цикл своего развития, Россия приобщается и к совершенно новому кругу европейских географических представлений, согласно которым на стыке Азии и Америки фигурирует загадочный, никем еще не разведанный пролив Аниан. Готовя свой наказ Камчатской экспедиции в январе 1725 г., Петр I, как сообщал А. К. Нартов, считал первейшей ее научной задачей получение сведений «о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию». «На сей морской карте проложена путь, называемый

³ См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2004. С. 36.

⁴ См.: Henry Hudson, the Navigator. The Original Documents in Which his Career is Recorded. London, 1860. P. CLIV.

⁵ Salmon Th. Modern History, Or the Present State of All Nations. Vol. 1. London, 1744. P. 48.

⁶ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 19.

Аниан, назначен не напрасно, — разъясняя царь Петр генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. — В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Ограда отечество безопасностию от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки. Не будем ли мы в изследовании такого пути счастливее Голландцев и Англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»⁷

Умозрительно помещаемый между Азией и Америкой пролив Аниан представлял собой грандиозную, запечатленную почти на всех заслуживающих внимания географических картах и в десятках реляций и землеописаний географическую иллюзию, которая, тем не менее, в течение почти трех веков управляла активностью ведущих морских держав Европы едва ли не в глобальном масштабе. Рамки небольшой статьи не позволяют даже бегло обозреть историографию, посвященную возникновению представлений о загадочном проливе и хронологии его длительных поисков, тесно связанных с попытками решения проблемы отыскания Северо-восточного и Северо-западного проходов через арктические моря.⁸ Не пренебрегая деталями, сосредоточимся на еще до конца не осмысленной интригующей проблеме — логике возникновения и причинах живучести этой географической фикции, которая, однако, удивительным образом совпала с реально существующим географическим объектом, открытым русскими мореплавателями.

Большинство изучавших данную тему авторов сходятся в том, что возникновение представлений о проливе Аниан тесно связано с попытками европейских географов XVI в. найти соответствие между описаниями стран Востока, содержащимися в знаменитом труде Марко Поло (практически единственного тогда для европейцев авторитета в этих вопросах), и географическими реалиями вновь открытой Terra Nova — Америки, которую сам Христофор Колумб вплоть до своей смерти в 1506 г. продолжал считать Азией. Само название пролива выводилось от упомянутой

Марко Поло провинции Аниан (Аниу), расположенной на крайнем востоке Китая, на берегах большого, изобилующего островами залива, который «так велик и в нем живет столько народу, что он как бы другой мир».⁹ Это описание (в редакции Дж. Б. Рамузио) следует у Марко Поло сразу за другим, где упоминается омывающее восток Китая (Манги) «Чинское» море, которое так огромно, что зовется «море-океан». В этом море, по Марко Поло, разбросаны «семь тысяч четыреста сорок восемь островов», многие из которых находятся так далеко, «что истомисься плыть до них». Заметим, что для Марко Поло это «Чинское» море — то же, что и «Индийское», «и все то части моря-океана».¹⁰

Лишенные картографического сопровождения, порой скудные и неясные, но почти всегда гиперболизированные характеристики стран у Марко Поло, разумеется, давали позднейшим географам широкий простор для самых вольных толкований. Хранящаяся в Британском музее карта мира 1530 г., проанализированная Г. Сайксом, наглядно показывает, какое направление приняло стремление ее автора примирить описания Марко Поло и новейшие открытия Колумба: расположенные на северо-восточной оконечности Азии части Китая (Sina regio) соединяются с Америкой широким сухопутным мостом, нависающим над большим морским заливом, но таким образом, что знакомые нам по описаниям Поло царство «пресвитера Иоанна», «верхняя Индия» (India superieur), «Катай» (Cathay) перекочевывают на американский берег залива, а знаменитый порт Зайтон помещается где-то на северо-западе Мексики.¹¹

Дж. Нанн в брошюре, изданной в 1929 г., в новом свете представил проблему возникновения этой географической метаморфозы, убедительно доказав, что не меньшую роль в ее возникновении сыграло и стремление согласовать открытия Колумба с картиной мира Клавдия Птолемея, чья знаменитая «География» была впервые отображена на карте в 1478 г. Как известно, не предполагая существования какого-либо континента между востоком Азии и Европой, Птолемей использовал градусную сетку, которая изрядно преувеличивала их реальные размеры, создавая иллюзию

⁷ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Зап. Имп. Акад. наук. 1891. Т. 67, прил. № 6. С. 98, 99.

⁸ Библиографию основных работ по данной теме см.: Day A. E. Historical Dictionary of the Discovery and Exploration of the Northwest Passage. Lanham, 2006. P. 339, 340.

⁹ Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990. С. 278, 296.

¹⁰ Там же. С. 159.

¹¹ См.: Sykes G. The Mythical Straits of Anian // Bulletin of the American Geographical Society. 1915. Vol. 47, № 3. P. 162.

сравнительно небольшой протяженности якобы разделяющего их Атлантического океана (что в немалой степени и вдохновило Колумба на его плавание). Но поскольку Птолемей считал Индийский океан замкнутым со всех сторон сушей морским бассейном, а в его восточной части указал на наличие большого, глубоко вдающегося в сушу залива Sinus Magnus (вероятно, современный Сиамский залив), то любое море, омывающее берега Китая (сколь бы велико оно ни было), должно было, согласно этим представлениям, являться лишь заливом Индийского океана.¹² Очевидно, что в этом случае открытая Колумбом Америка, протянувшаяся далеко на юг, должна была считаться продолжением Азии, а отделявшая Америку от Китая морская преграда — Птолемеевым Sinus Magnus и тем большим заливом, о котором упоминал Марко Поло. Так на совершенно умозрительной основе возникло более или менее удачно примирявшее Птолея, Марко Поло и Колумба представление о сухопутном перешейке, который где-то далеко на севере, за пределами досягаемости, соединяет Азию с ее американским продолжением. (Как ни удивительно, такая интерпретация описаний Марко Поло сохраняла свою притягательность вплоть до конца XIX в. В 1894 г. немецкий географ Х. Зандлер, позволяя себе «поправлять» детали описаний знаменитого венецианца, доказывал, что в названии провинций Аниу и Толоман отчетливо угадываются айны Хоккайдо и Курильских островов и ительмены Камчатки и что, следовательно, под большим заливом Марко Поло следует понимать северную часть Тихого океана¹³.)

Первый удар по этому географическому конструкту, как считает С. Уильямс, был нанесен кругосветным плаванием Ф. Магеллана в 1519–1522 гг., которое доказало, что открытое В. Нуньесом де Бальбоа в 1513 г. «Южное море» представляет собой не залив, а крупнейший на Земле океан.¹⁴ Однако и после этого представление об Америке как о полуострове Азии держалось еще достаточно долго. Лишь экспедиции Ф. В. де Коронадо (1540–

1542) и Э. де Сото (1541–1542) на север от Мексики и плавание Э. де Аларкона (1540–1541) и Х. Р. Кабрильо (1542–1543) вдоль берегов Калифорнии, видимо, окончательно заставили испанцев отказаться от надежд отыскать в Северной Америке хоть какие-то приметы близости легендарного «Катая» Марко Поло. Однако, поскольку сухопутные и морские разведки испанцев в Северной Америке в XVI в. не проникали севернее 40° с. ш., в силе оставалось умозрительное допущение, что именно там, на недоступном севере, пролегает сухопутный «мост» между Азией и Америкой.

Остается, однако, не до конца ясным, в силу каких причин и обстоятельств картографы, а вслед за ними и мореплаватели стали мыслить между Азией и Америкой морской пролив, а не сплошную сушу. Впервые изображение пролива Аниан появляется в 1562 г. на карте, которой итальянец Дж. Гастальди сопроводил свое «Всеобщее описание мира», а затем, как по указке, оно начинает повторяться на множестве других карт, только слегка меняя свои очертания и местоположение. Дж. Нанн высказал предположение о том, что идея пролива между Азией и Америкой, оставаясь плодом умозрительных построений, все же явилась первым проблеском гипотезы, опиравшейся на естественнонаучные знания, а именно на подмеченный рядом авторов (об этом писали, в частности, официальный историограф испанского Совета по делам Индий Г. Ф. де Овьедо, английский навигатор, один из первых искателей Северо-западного прохода Х. Гилберт) факт заметного несходства флоры и фауны двух континентов.¹⁵ А. Э. Дэй, отмечая поразительную близость локализации пролива Аниан на карте мира А. Ортелиа (1570 г.) с местоположением Берингова пролива, допускает, что основой мифа об Анианском проливе стали какие-то реальные сведения, полученные в ходе неизвестных нам плаваний XVI в.¹⁶ Известный историк картографии П. Уитфилд находит такое предположение невероятным и, считая миф о проливе Аниан чистым вымыслом, полагает, что в его появлении отразилось крепнущее в образованных кругах Европы «признание отдельной идентичности Америки».¹⁷ Такое объяснение выглядит очень убедительно, если иметь

¹² См.: Nunn G. E. *Origin of the Strait of Anian Concept*. Philadelphia, 1929. P. 4, 5.

¹³ См.: Sandler Ch. *Die Anian-Strasse und Marco Polo // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*. 1894. Bd. 29. S. 406, 407.

¹⁴ См.: Williams S. *The Strait of Anian: A Pathway to the New World // New Perspectives on the Origins of Americanist Archaeology*. Tuscaloosa, 2002. P. 10–29.

¹⁵ См.: Nunn G. E. *Op. cit.* P. 18, 19.

¹⁶ См.: Day A. E. *Op. cit.* P. XXXIX.

¹⁷ Whitfield P. *New Found Lands: Maps in the History of Exploration*. London, 1998. P. 7.

в виду не только прогресс в изучении вновь открытого континента, но и определенные политические интересы, связанные с возможностью поставить под сомнение притязания Испании если не на Американский континент, то, по крайней мере, на богатые страны Восточной Азии.

На наш взгляд, зарождение и закрепление в сознании современников мифа о проливе Аниан невозможно рассматривать вне политического контекста эпохи Великих географических открытий. Тордесильяский договор 1494 г., устанавливавший исключительные права Испании и Португалии на все вновь открываемые земли по обе стороны от меридиана, проходящего в 370 лигах к западу от островов Зеленого Мыса (49° 32' 56" з. д.), на известное время определил конфигурацию глобального соперничества между морскими державами, закономерно сдвинул поисковую активность Англии, Франции и Голландии, выступавших в роли конкурентов пиренейских держав, на арктическую периферию. Интенсивность поисков Северо-восточного и Северо-западного проходов находилась в прямой зависимости от манящей близости главного приза начинающейся колониальной гонки — открытия кратчайшего пути в Китай и Индию. Очевидные в этом отношении преимущества арктических трасс, имевшие под собой чисто географические основания (суженность земной окружности у полюсов), могли реализоваться, однако, лишь при относительной легкости их прохождения (этим объясняется — известный ажиотаж, окружавший любые известия о нахождении свободных ото льда проходов с открытой водой) и лишь в том случае, если арктические проходы провиденциальным образом заканчивались бы проливами, открывающими путь в Тихий океан. Таково общее регулятивное значение условий и обстоятельств, подготовивших почву для зарождения мифа об Анианском проливе.

Но были еще и конкретные обстоятельства, под воздействием которых смутные ожидания и догадки обретали почти реальные черты. Рискнем высказать по этому поводу некоторые соображения. Начиная с середины XVI в. Испания столкнулась с настоящим натиском посягательств на безопасность своих американских владений и свою монополию на господство в Тихом океане, и почти все они были связаны с имевшими широкий

фронтальный разброс поисками трансконтинентальной системы водных путей, ведущих из Атлантики в Тихий океан через Американский континент. Беспрецедентный пиратский рейд Ф. Дрейка в 1578–1579 гг. по американским владениям Испании со стороны Тихого океана и венчающая это предприятие попытка отыскать в Северной Америке сквозной водный путь через континент (в районе Нового Альбиона) служили для испанцев ясным указанием на то, что при беспрецедентных трудностях прохода в Тихий океан через мыс Горн активность англичан, французов и голландцев по поиску более короткого трансконтинентального морского прохода через Америку обещает только возрасти. Тот факт, что все известные нам описания открытия пролива Аниан вышли из-под пера реальных или мнимых испанских мореходов рубежа XVI–XVII вв. (Л. Феррер де Мальдонадо, Хуан де Фука, Бартоломе де Фонте), наводит на мысль об особой заинтересованности Испании в том, чтобы переключить — не без помощи самых знаменитых картографов Европы — поисковую активность своих соперников на самый трудный (и, по иронии судьбы, оказавшийся единственно реальным!) вариант отыскания морского пути из Атлантики в Тихий океан — вдоль арктических окраин Америки. Не имеем ли мы в таком случае дело с сознательной мистификацией испанцев, превратившей недостижимый пролив Аниан (а вместе с ним и гипотетический Северо-западный проход) в фокус всей поисковой активности европейских мореплавателей? Этого предположения отнюдь не отменяет то обстоятельство, что и сами испанцы, двигаясь на север от побережья Калифорнии, вели настойчивые поиски крупных рек и проливов, могущих служить началом сквозного водного пути через континент. Однако эти поиски велись испанцами не столько с целью воспользоваться этим путем, сколько с расчетом на возможность запереть его, основав в этой точке сильный военный пост. Как отмечает У. Л. Кук, после экспедиции С. Бискайно (1602–1603) интерес к поискам пролива у испанских властей, убедившихся в преувеличенности грозившей их владениям опасности, а вместе с ним и официальная поддержка любых инициатив в этой области стали постепенно угасать.¹⁸

¹⁸ См.: Cook W. L. Flood Tide of Empire: Spain and the Pacific Northwest, 1543–1819. New Haven, 1998. P. 17.

Отметим любопытный факт: примерно с этого времени появляется целый ряд сочинений частных лиц (как правило, испанских мореходов, ищущих карьерных и меркантильных выгод), которые претендовали на славу первооткрывателей таинственного пролива Аниан. Самое известное из них — написанная в начале XVII в. реляция капитана Л. Феррера де Мальдонадо, который утверждал, что в 1588 г. он, плывя на запад от Лабрадора, на широте 60° отыскал пролив Аниан длиной 15 лиг, который соединял «Северное море» с «Южным». Текст Мальдонадо, найденный в мадридском архиве в 1781 г., выдает в авторе человека сведущего в географии и навигации, хорошо понимавшего стратегические выгоды обладания проливом, однако описание самого пролива и его окрестностей изобилует столь фантастическими деталями (мягкий климат; земля, удобная для сельского хозяйства; фруктовые деревья; встреча в проливе с «ганзейскими» купцами, торгующими с Китаем, и т. п.), что не остается сомнений в вымышленности самого «открытия». Как явствует из текста и содержащихся в нем рекомендаций, главной целью капитана было вновь пробудить интерес испанских властей к организации экспедиции к проливу и созданию там военно-морской крепости.¹⁹ Если сочинение Мальдонадо не вышло, по-видимому, за пределы узкого круга осведомленных лиц испанской администрации, то отчет Хуана де Фуки (грека

из Кефалонии, проведенного на испанской службе около 40 лет), в котором он сообщал об открытии им в 1592 г. пролива Аниан, стал известен лишь благодаря тому, что, возмущенный неблагодарностью испанских властей, мореплаватель поспешил предложить свои услуги английскому правительству Елизаветы I.²⁰

Подобные сочинения, как и закрепившаяся картографическая традиция, несмотря на атмосферу секретности, которой испанцы старались теперь окружить любые сведения о проливе Аниан, в течение почти двух веков поддерживали среди европейских мореплавателей неослабевающий интерес к поиску морского прохода между Атлантикой и Тихим океаном. Значительная часть географических открытий, совершенных в американской Арктике и в северной части Тихого океана, была сделана в стремлении достичь легендарного пролива Аниан — ключа к овладению сказочными богатствами Востока. Самое удивительное заключалось в том, что даже после открытия в 1728 г. русской экспедицией В. Беринга пролива между Азией и Америкой пролив Аниан не исчез сразу с географических карт и из круговорота географических идей. Его продолжали упоминать в географических сочинениях вплоть до 1770-х гг., но связывали уже не столько с проливом, разделяющим Азию и Америку, сколько с поисками более удобного, расположенного южнее, сквозного водного прохода через Американский континент.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

MYSTERIOUS STRAIT OF ANIAN: THE FATE OF A ONE GEOGRAPHICAL IDEA

The article studies the issue of the origin and evolution of one of the speculative geographic concepts of the 16th–17th centuries — the idea of the Strait of Anian separating Asia and America. Summing up the existing historiographic approaches to this problem, the author relates the origin of this geographic fiction to the attempts of cartographers and seafarers to align the Columbus's discoveries with the preceding geographic tradition — the Ptolemy's picture of the world and the Marco Polo's description of the East Asian lands. According to the author the critical role in the appearance and popularization of the idea of the existence of a strait at the meeting point of the continents of Asia and America was played by a systemic geopolitical factor — the general configuration of rivalry between the leading European sea powers in their search for the shortest possible sea route to China and India. The author offered a hypothesis that the escalation of the myth about the Strait of Anian was part of intentional policy of Spain aimed at the defense of its Pacific possessions: it served as a means of distracting attention of the competing European powers and

¹⁹ Полный текст документа см.: Barrow J. A Chronological History of Voyages into the Arctic Regions. London, 1818. P. 24, 45, app. № 2.

²⁰ Ibid. P. 132–134.

redirecting it to the American Arctic. The article emphasizes the substantial role of the idea of the Strait of Anian in the history of both European and Russian geographical discoveries in the Arctic.

Key words: Strait of Anian, north-east passage, geography, cartography, discoveries, Marco Polo, America, Arctic, Northwestern passage

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva Ye. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. XVI–XX veka* [Asian Russia in geopolitical and civilizational dynamics. XVI–XX century]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 600 p. (in Russ.).
- Cook W. L. *Flood Tide of Empire: Spain and the Pacific Northwest, 1543–1819*. New Haven: Yale University Press, 1998, 620 p. (in English).
- Day A. E. *Historical Dictionary of the Discovery and Exploration of the Northwest Passage*. Lanham: Scarecrow Press, 2006, 417 p. (in English).
- Emmerson Ch. *The Future History of the Arctic*. New York: Public Affairs™, 2010, 406 p. (in English).
- Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1990, 352 p. (in Russ.).
- Miller G. F. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe* [Essays on the history of Russia. Favorites]. Moscow: Nauka Publ., 1996, 448 p. (in Russ.).
- Nunn G. E. *Origin of the Strait of Anian Concept*. Philadelphia: Privately Printed, 1929, 36 p. (in English).
- Whitfield P. *New Found Lands: Maps in the History of Exploration*. London: The British Library Publishing Division, 1998, 200 p. (in English).
- Williams S. *New Perspectives on the Origins of Americanist Archaeology*. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2002, pp. 10–29. (in English).